

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2009-2020)

Мальцева Олеся Альбертовна

МГИМО МИД России

Сенюк Нинель Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Шрайбер Нильс Хольгер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Харт Элис Кэтрин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация

В данной статье исследуются основные движущие силы и определяющие факторы, которыми обусловлены прямые иностранные инвестиции России и Китая в Центральную Азию, при этом целью статьи является изучение потенциальных областей экономического сотрудничества и возможных причин конфликтов между двумя державами в указанном регионе.

Ключевые слова

Прямые иностранные инвестиции, концепция OLI, Россия, Китай, развивающиеся страны.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о дальнейшем развитии экономических связей между Китаем и Россией в Центральной Азии беспокоил специалистов и ученых-международников в области экономики и политики с начала XXI века. В то время как одна группа экспертов утверждала, что усиление роли Китая как крупного экономического игрока в Центральной Азии, вероятно, создаст значительный потенциал для конфликта с Россией в данном регионе, другие эксперты считали подобные утверждения преувеличенными вследствие взаимодополняемости интересов обеих сторон в сфере экономического развития Центральной Азии.

Данная статья посвящена изучению взаимодействия Китая и России со странами Центральной Азии. В ней проводится всесторонний анализ основных движущих сил и факторов, обуславливающих прямые иностранные инвестиции обеих стран (далее ПИИ). При этом в данной статье используется аналитическая концепция, основанная на теории ПИИ Даннинга, применяющаяся для изучения вопроса о том, какие движущие силы и определяющие факторы объясняют российские и китайские ПИИ в Центральной Азии.

В исследовании используются как количественные данные о потоках и запасах ПИИ России и Китая, так и данные об объемах экспорта в пять республик Центральной Азии в период с 2009 по 2020 годы, а также проводится качественный анализ траекторий развития финансового регулирования, двусторонних инвестиционных сделок, экономических и политических инициатив в указанном регионе. Таким образом, в статье используются данные, предоставленные такими базами данных, как ITC Investment Map, WITS (World Bank) и DOTS (IMF), а также данные, предоставленные региональными организациями и национальными статистическими службами стран Центральной Азии.

Данная статья включает в себя два раздела, в первом из которых представлена аналитическая концепция движущих сил и определяющих факторов ПИИ в странах с развивающейся экономикой, основанная на модели OLI. Вторая часть исследования подразделяется на три подраздела: два из них являются тематическими исследованиями, в которых представлены всесторонние отчеты о российских и китайских движущих силах, а также об определяющих факторах осуществления ПИИ в Центральную Азию. В третьем подразделе проведено сравнение российских и китайских ПИИ в указанный регион.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДВИЖУЩИХ СИЛ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПИИ

Два основных неразрывно связанных между собой вопроса, относящихся к ПИИ, касаются следующих аспектов:

- почему фирмы занимаются ПИИ (по сравнению с другими вариантами интернационализации, такими как экспорт, лицензирование или продолжение деятельности на внутреннем рынке);

- почему фирмы выбирают определенные места для осуществления своих ПИИ. Концепция OLI предполагает, что осуществление ПИИ можно объяснить тремя категориями : наличие преимуществ в области права собственности (O), расположения (L) и интернализации (I).

Учитывая, что в данной статье основное внимание уделяется вопросу о причинах, по которым Россия и Китай стремятся осуществлять ПИИ в Центральной Азии, в данном исследовании рассматривается элемент «L» эклектической парадигмы OLI. Теория OLI указывает на три основных мотива для ПИИ: ПИИ с целью освоения рынков, ПИИ с целью повышения эффективности (снижения затрат) и ПИИ с целью приобретения ресурсов (включая стратегические активы).

Опираясь на методологию ЮНКТАД (2006 г.), мы можем провести различие между движущими силами и определяющими факторами (детерминантами) ПИИ. Детерминанты ПИИ преимущественно являются макроэкономическими показателями, которые в значительной степени статичны и существенно меняются только в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Наиболее значимые детерминанты ПИИ представлены такими переменными, как ВВП страны, производительность труда, наличие природных ресурсов и макроэкономическая стабильность. С другой стороны, движущие силы ПИИ могут касаться вопросов как макро-, так и мезоуровня, например, сферы регулирования и проводимой политики, а также факторов микроуровня, например, стимулирующих мер и приоритетов на уровне компаний. В статье также проводится интеграция парадигмы из областей международной политической экономики и международного бизнеса, связанная с необходимостью наличия междисциплинарных подходов в данной области.

Таким образом, после изложения основной аналитической концепции данной статьи в следующем разделе представлен подробный отчет об исследованиях движущих сил и определяющих факторов осуществления ПИИ в развивающиеся страны.

ОБЗОР РЕЛЕВАНТНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одним из самых ранних и наиболее важных принципов исследования ПИИ является утверждение ученых о том, что несовершенство рынка представляет собой один из основных факторов, обуславливающих ПИИ. В частности, ПИИ, ориентированные на освоение рынков, направлены на проникновение на внутренний рынок принимающей страны. Проводимые исследования приблизительно оценивают размер рынка, используя ВВП (размер принимающей страны), ВВП на душу населения (показатель покупательной способности граждан) и темпы роста ВВП (рыночный потенциал с точки зрения экономического роста). При этом ожидается, что данные показатели будут находиться в положительной корреляции с притоком ПИИ.

Анализ эмпирических данных послевоенных лет позволил Даннингу выделить в качестве основного определяющего фактора уровень дохода, что дало основание для дальнейшего обобщения в рамках модели «Траектория инвестиционного развития» (далее IDP). Модель IDP демонстрирует нелинейную волнообразную зависимость чистых инвестиционных потоков от ВНП/ВВП на душу населения, проходящую в своей динамике пять этапов. К концу второго этапа поток ПИИ достигает своего относительного максимума, а пик ПИИ приходится на конец четвертого этапа. В то же время развивающиеся страны по сравнению с развитыми как бы «сжимают» эту волнообразную кривую линию, достигая своих пиковых значений при более низком уровне доходов. Однако развивающиеся страны, включая страны Центральной Азии, весьма различаются между собой. Что касается движущих сил ПИИ, то, поскольку наибольшую инвестиционную привлекательность, при прочих равных условиях, имеют институционально близкие страны или регионы, ведущую роль в оценке этой близости играет так называемая «институциональная дистанция». Это агрегированный показатель, который зависит от многих других факторов регуляторной и налогово-бюджетной политики, а также от уровня макроэкономической стабильности, который, в свою очередь, зависит от уровня политических рисков и открытости экономики принимающей страны.

Данные детерминанты и движущие силы, являясь внешними объективными и субъективными факторами, существенно влияют на мотивацию ТНК в отношении мест осуществления ПИИ. Другой компонент, связанный с местными преимуществами, касается внутренних корпоративных факторов, а также обстоятельств и предпочтений высшего руководства. Согласно анализу западных частных компаний, освоение новых рынков является наиболее выраженной мотивацией, за которой следуют повышение эффективности и освоение ресурсов. Государственные компании

могут демонстрировать различные тенденции. Конкретный набор определяющих факторов, движущих сил и мотивов формирует особый инвестиционный профиль страны, сравнительный анализ которого и является основной целью настоящего исследования.

ПИИ В РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Учитывая, что в данной статье основное внимание уделяется Центральной Азии, авторы рассматривают исследования, посвященные притоку ПИИ в развивающиеся страны. С начала 1980-х годов ученые заметили резкое увеличение числа тех развивающихся стран, в которые осуществление инвестиций считается выгодным.

Поскольку приток ПИИ способствует экономическому росту, в том числе в долгосрочной перспективе, развивающиеся страны стремятся привлечь ПИИ для ускорения первоначального развития своих капиталоемких отраслей.

Ученые проводят различие между традиционными и нетрадиционными определяющими факторами для осуществления ПИИ в развивающиеся страны. Что касается традиционных факторов для прогнозирования потоков ПИИ в развитые страны, такие показатели, как размер внутреннего рынка, торговый баланс, а также ВВП, ВВП на душу населения и темпы роста ВВП оказались наиболее значимыми детерминантами для инвестиционных потоков. Кроме того, в качестве дополнительных традиционных факторов, влияющих на привлечение или перенаправление потоков ПИИ в развитые страны, были предложены такие факторы, как ограничения, связанные с выходом на национальные рынки, административные барьеры и факторы риска.

В связи с глобализацией возникли споры относительно снижения важности традиционных определяющих факторов ПИИ, таких как ВВП на душу населения. Ученые обозначили появление нетрадиционных определяющих факторов ПИИ, таких как открытость в сфере внешней торговли, тарифные ставки, а также человеческий капитал. Утверждается, что данные изменения связаны с более широким аспектом перехода от ПИИ, ориентированных на освоение новых рынков и ресурсов, к вертикальным инвестициям или инвестициям, направленным на повышение эффективности.

АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРОВ

С целью исследования вопроса о применимости модели движущих сил и определяющих факторов Даннинга к российским и китайским инвестициям в Центральной Азии, в данной статье

проводится как качественный, так и количественный анализ инвестиций двух участников БРИКС в указанный регион. Для каждой страны рассмотрена применимость модели Даннинга (1998 г.) с использованием качественных и количественных данных, а также уделено внимание траектории развития ПИИ в регионе в целом и в отдельных странах.

ПРИМЕР 1: РОССИЯ

РОССИЙСКИЕ ПИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Принимая во внимание как географическую близость, так и историческое и политическое наследие, можно отметить, что Россия поддерживает тесные экономические связи с пятью центральноазиатскими республиками, при этом степень интенсивности и разнообразия вышеуказанных связей различается от страны к стране. Кроме того, экономические вопросы часто неразрывно переплетаются с вопросами обеспечения безопасности.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПИИ

При рассмотрении определяющих факторов российских ПИИ в Центральную Азию можно выделить следующие ключевые характеристики.

Во-первых, что касается структурных экономических показателей, авторы статьи отмечают различия во взаимосвязи между экономическими условиями пяти стран региона и объемом российских ПИИ. В то время как в Кыргызстане и Таджикистане процентный рост накопленных российских ПИИ показывает умеренную положительную корреляцию с процентным ростом ВВП за данный период времени, в Казахстане и Туркменистане наблюдается обратная динамика с умеренно отрицательными коэффициентами корреляции за период времени с 2009 по 2020 годы (см. Таблицу 1). В Узбекистане подобная связь отсутствует, при этом коэффициент корреляции близок к 0. Что касается корреляции между абсолютным ВВП Центральной Азии и объемом российских ПИИ, авторы статьи отмечают, что в Казахстане наблюдается положительный коэффициент корреляции умеренной величины, в Кыргызстане и Таджикистане - высокой величины, а в Узбекистане и Туркменистане - умеренный и сильный отрицательный коэффициент корреляции соответственно. Подобные результаты указывают на недостаточность ВВП как единственного определяющего фактора, объясняющего динамику объема российских ПИИ в регионе.

Российские ПИИ: корреляционный анализ

Уровень корреляции (2009-2020)	ВВП (долл.США) и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)	ВВП и объем российских ПИИ (ежегодный прирост)	ВВП и объем российских ПИИ (ежегодный прирост)	Производительность труда и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)	Открытость торговли и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)	Открытость и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)
Казахстан	0.2875	-0.2626	-0.3681	0.9622	-0.6954	-0.9026
Таджикистан	0.6745	0.2093	0.4288	0.0796	0.0861	-
Кыргызстан	0.7125	0.3357	0.2477	0.6484	-0.4994	0.3348
Узбекистан	-0.8356	0.0052	-0.0070	-0.8275	-0.0702	-
Туркменистан	-0.7028	-0.2156	-0.2296	-0.7080	0.3415	-

Источник: ИТС

Во-вторых, при аппроксимации открытости экономики страны как доли торговли в процентах от ВВП, корреляция с российскими ПИИ является резко отрицательной в Казахстане и Кыргызстане, умеренно положительной в Туркменистане и незначительно отрицательной и положительной в Таджикистане и Узбекистане соответственно. Такие результаты означают, что открытость страны для внешней торговли незначительно связана с объемом российских ПИИ в конкретную страну.

В-третьих, несмотря на то что данные об инвестиционном климате, такие как индекс регулятивных ограничений ПИИ ОЭСР (2021 г.), доступны на протяжении всего исследуемого периода только для Казахстана, можно отметить, что постепенный рост объема российских ПИИ в стране соизмерим со снижением ограничений в обозначенный период времени, демонстрируя значительный отрицательный коэффициент корреляции. Напротив, в Кыргызстане, где указанные данные доступны только за 2012 год, выявляется умеренно положительная корреляция между степенью регулятивных ограничений в сфере ПИИ и объемом российских ПИИ в стране, что подтверждает предположение о том, что российские внешние инвестиции в страну не зависят от структурно-нормативных условий.

В-четвертых, что касается производительности труда, то в Казахстане и Кыргызстане можно наблюдать высокую положительную корреляцию с объемом ПИИ из России, в то время как в Узбекистане и Туркменистане соответствующие коэффициенты

корреляции демонстрируют значительную отрицательную корреляцию. Наконец, в Таджикистане аналогичные расчеты показывают незначительный положительный коэффициент корреляции, равный 0,08.

Таким образом, проанализированные макроэкономические показатели показывают неоднозначную картину с точки зрения выявления ключевых факторов, определяющих объемы российских ПИИ в Центральную Азию.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПИИ

Что касается движущих сил, определяющих российские ПИИ в страны СНГ, то, в отличие от утверждения Даннинга о стремлении фирм к снижению затрат и получению стратегически важного доступа к технологиям посредством ПИИ, российские компании в основном руководствуются соображениями доступа к сырью и местным рынкам для дальнейшего сбыта продукции.

Приступая к анализу конкретных факторов, влияющих на потоки российских ПИИ в Центральную Азию, стоит отметить выгодное географическое положение России по отношению к Центральной Азии и высокий хоть и снижающийся, уровень владения русским языком среди населения региона. Данные факторы являются «притягивающими», то есть снижающими транзакционные издержки российских предприятий при инвестировании в страны Центральной Азии. Однако стимулирующее влияние таких «притягивающих» факторов на российские ПИИ нивелируется административными барьерами, ограничениями в сфере иностранных инвестиций и высоким уровнем коррупции, с которыми потенциальные инвесторы сталкиваются в данном регионе. Что касается рыночных «выталкивающих» факторов, то сравнительно большой объем российского рынка может предоставить структурные возможности для российских инвестиций и совместного использования производственных возможностей в Центральной Азии. Хорошим примером является недавний приток ПИИ в сферу автомобилестроения в регионе.

С точки зрения условий ведения бизнеса и государственной политики, Евразийский экономический союз (далее ЕАЭС) внедрил политику, направленную на унификацию стандартов ведения бизнеса и осуществления инвестиционной деятельности между Россией, Казахстаном и Кыргызстаном в Центральной Азии, что является дополнительной движущей силой для российских инвестиций в регионе. Кроме того, международные политические конфликты, такие как украинский кризис 2014 года, привели к крупномасштабному перемещению потоков ПИИ в регион СНГ. Согласно данным, опубликованным Евразийским банком развития в 2020 году, Казахстан и Узбекистан вышли на первое и второе место

среди крупнейших реципиентов ПИИ в регионе СНГ по сравнению со вторым и пятым местом в 2012 году. Специальная военная операция также существенно повлияла на динамику ПИИ на постсоветском пространстве. Поскольку некоторые страны Центральной Азии в значительной степени зависят от российских ПИИ и имеют внушительную долю в общем объеме ПИИ России, они сталкиваются с множеством осложняющих факторов и, следовательно, обладают существенными стимулами для снижения своей экономической зависимости от России и диверсификации двусторонних экономических связей. В частности, согласно недавнему отчету Всемирного банка, ожидается, что российские мультинациональные предприятия, на долю которых приходится значительная часть российских ПИИ в Центральной Азии, столкнутся с серьезными проблемами в области трансграничных сделок и логистики по причине западных санкций, что сократит инвестиционные возможности российских компаний в регионе. Поскольку проблемы, связанные с экономической ситуацией в России после введенных санкций, привели к обесцениванию валют и росту инфляции в Центральной Азии, объемы ПИИ в страны данного региона продолжают сокращаться, что, вероятно, вызовет дальнейший отток инвестиций из этих стран.

Что касается факторов притяжения, связанных с деловой и политической средой, события в Центральной Азии, такие как смена политического руководства, стали поворотными моментами, определяющими объемы российских ПИИ. В качестве одного из наиболее важных примеров политических возможностей, обеспечивающих приток инвестиций, можно назвать переход от довольно изоляционистской внешней политики Узбекистана при Исламе Каримове к многовекторному подходу его преемника Шавката Мирзоева. Такая политическая система привела к государственной поддержке создания условий для крупномасштабного партнерства и осуществления инвестиций между Россией и Узбекистаном. Аналогичные заявления о расширении двустороннего инвестиционного партнерства были сделаны на уровне президентов России и Казахстана после беспорядков в Казахстане в январе 2022 года.

Данные политические заявления о расширении двустороннего сотрудничества в инвестиционной сфере особенно важны на фоне внутривнутриполитической ситуации в Казахстане с начала 2022 года и, как следствие, растущей осторожности иностранных инвесторов в отношении Казахстана.

Сравнивая актуальность различных движущих сил, обеспечивающих российские ПИИ в Центральную Азию, стоит подчеркнуть важность ПИИ, основанных на доступе к ресурсам, и

отсутствие существенных ПИИ, ориентированных на повышение эффективности и привлечение стратегических активов в общем анализе инвестиционных потоков в Средней Азии. Приоритетные направления российских ПИИ тесно связаны с энергетическим и углеводородным секторами региона. В частности, российские инвесторы стремятся получить выгоду от приобретения прав на транзит, экспорт энергоресурсов из Центральной Азии, а также от разведки и разработки месторождений углеводородного сырья. При этом стоит отметить, что по объему инвестиций три крупные российские энергетические компании вошли в пятерку наиболее значимых инвесторов на постсоветском пространстве: ЛУКОЙЛ, Газпром и Атомэнергопром. Кроме того, поскольку такие компании, как Газпром и ЛУКОЙЛ осуществляют свою деятельность через дочерние компании или совместные предприятия с местными энергетическими компаниями в Центральной Азии, они получили значительные рычаги на энергетических рынках стран Центральной Азии. Помимо освоения углеводородных ресурсов, в Таджикистане, где российские прямые инвестиции уступают по своему объёму только Китаю, потоки ПИИ также были направлены в энергетический сектор. При этом Сангтудинская ГЭС-1 представляет собой крупнейший инвестиционный проект России в данном регионе.

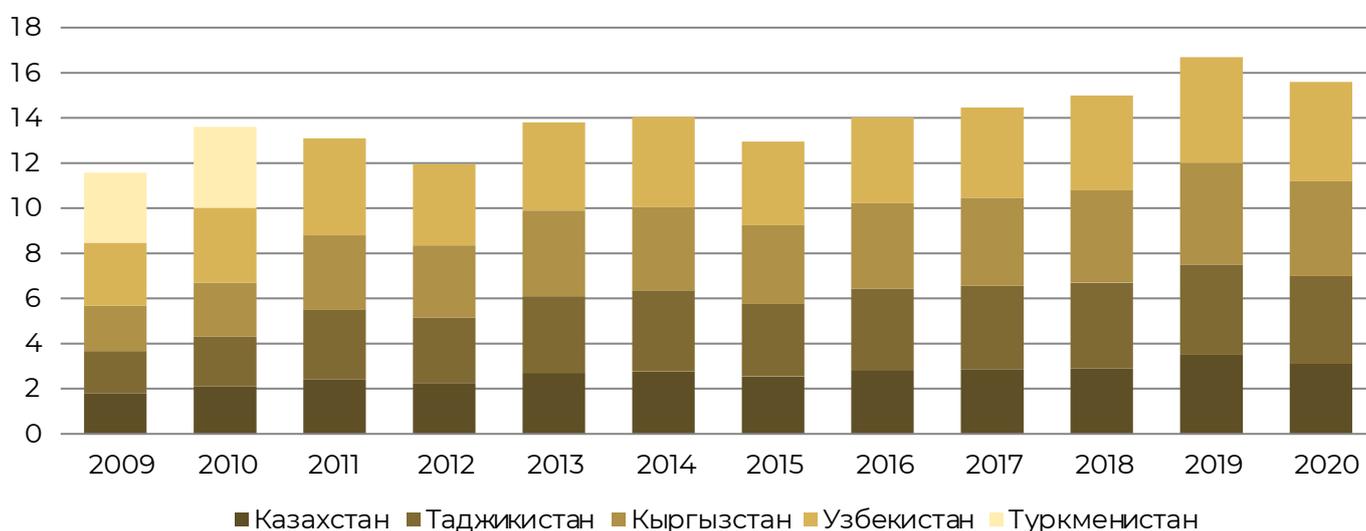
Более того, межправительственные связи между Россией и странами Центральной Азии являются ключевым фактором, способствующим стимулированию двустороннего инвестиционного сотрудничества в регионе. Вместе с тем политические инициативы и вопросы в сфере обеспечения региональной безопасности представляются важными катализаторами российских ПИИ и экономической деятельности России в Центральной Азии в целом. Российские политические деятели часто подчеркивают значительные масштабы российских инвестиций в регион, а также наличие экономических уступок странам региона для того, чтобы проявить доброжелательные отношения Москвы с пятью центрально-азиатскими республиками. Такие политические факторы, определяющие российские ПИИ в Центральной Азии, обуславливаются центральной ролью, которую данный регион играет в качестве сферы особых интересов. Следовательно, некоторые российские проекты, связанные с осуществлением ПИИ в регионе и представляющиеся невыгодными с экономической точки зрения, такие как модернизация газораспределительной системы Кыргызстана дочерней компанией «Газпрома» «Кыргызгаз», де-факто были оценены, как экономическая помощь, направленная на стимулирование вступления страны в ЕАЭС. Учитывая скрытую внутривнутриполитическую нестабильность в Центральной Азии и пагубное влияние политических беспорядков в регионе на статус России как гаранта безопасности, ПИИ также служат инструментом укрепления

внутренней стабильности стран региона.

АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПИИ В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2009-2020 ГГ.

Изучив основные движущие силы и определяющие факторы российских ПИИ в Центральную Азию, можно перейти к анализу количественных временных траекторий потоков и накопления российских ПИИ в регионе. На рисунках 1 и 2 продемонстрированы траектории движения российских ПИИ в Центральную Азию в период с 2009 по 2020 годы.

Можно отметить, что в общих потоках ПИИ России Центральная Азия как направление для инвестиций занимает важное место: на данный регион приходится среднегодовая доля в размере 1,93% российских ПИИ. В период с 2009 по 2020 годы объем российских ПИИ составил 7,48 млрд долларов. Более того, значение данного региона как получателя российских иностранных инвестиций несколько выше, чем у Франции. По сравнению с совокупными российскими ПИИ, направленными в другие субрегионы постсоветского пространства, объем инвестиций в Центральную Азию более чем в пять раз выше, чем в страны Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия). При этом на долю данного региона приходится примерно половина объема совокупных российских инвестиций в страны Балтийского и Черноморского регионов (Беларусь, Украина, Молдова).

Рисунок 1. ПИИ России в страны Центральной Азии (млрд долларов, 2009-2020 гг.)

Источник: ИТС

Изучив основные движущие силы и определяющие факторы российских ПИИ в Центральную Азию, можно перейти к анализу количественных временных траекторий потоков и накопления российских ПИИ в регионе. На рисунках 1 и 2 продемонстрированы траектории движения российских ПИИ в Центральную Азию в период с 2009 по 2020 годы.

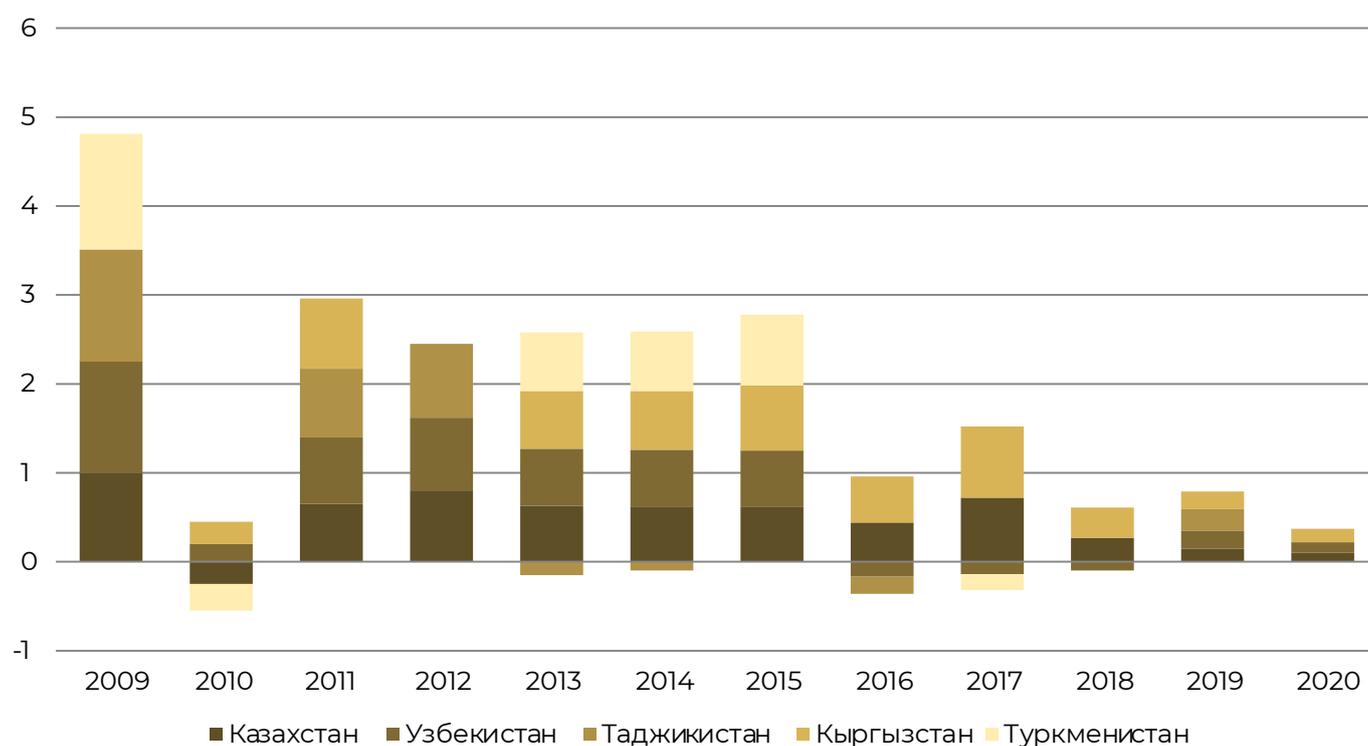
Можно отметить, что в общих потоках ПИИ России Центральная Азия как направление для инвестиций занимает важное место: на данный регион приходится среднегодовая доля в размере 1,93% российских ПИИ. В период с 2009 по 2020 годы объем российских ПИИ составил 7,48 млрд долларов. Более того, значение данного региона как получателя российских иностранных инвестиций несколько выше, чем у Франции. По сравнению с совокупными российскими ПИИ, направленными в другие субрегионы постсоветского пространства, объем инвестиций в Центральную Азию более чем в пять раз выше, чем в страны Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия). При этом на долю данного региона приходится примерно половина объема совокупных российских инвестиций в страны Балтийского и Черноморского регионов (Беларусь, Украина, Молдова).

При изучении различий в потоках российских ПИИ в отдельные страны становится очевидным, что между пятью республиками существует серьезная асимметрия. Например, Казахстан, ежегодно привлекающий российские ПИИ в размере 509 млн долларов, в период с 2009 по 2020 годы получает в среднем около 82% российских ПИИ, при этом остальные четыре государства Центральной Азии привлекают значительно меньшие объемы инвестиций. В то время как Кыргызстан и Узбекистан со среднегодовым притоком российских ПИИ в размере 53,4 и 13,6 млрд долларов соответственно занимали второе и третье место среди центральноазиатских стран-реципиентов российских иностранных инвестиций, на Таджикистан и Туркменистан в среднем приходилось около 2% и 1,5%. Таким образом, с точки зрения количества ПИИ России в страны Центральной Азии в 2020 году, на долю Казахстана приходится более 80% накопленного объема инвестиций в Центральную Азию, доля Таджикистана составляет 8%, Узбекистана и Кыргызстана - около 5,2% и 4,1 % соответственно.

Кроме того, изучение индивидуальных траекторий стран региона как получателей российских ПИИ позволяет говорить о стимулирующей роли политических инициатив для привлечения ПИИ. После вступления Кыргызстана в ЕАЭС, в период с 2014 по 2015 годы в стране наблюдался более чем трехкратный рост российских ПИИ. При этом данный рост оставался достаточно стабильным вплоть до 2016 и 2017 годов, но после 2018 года он значительно снизился. Однако аналогичная траектория не наблюдалась в Казахстане, где наблюдался почти линейный спад ежегодных потоков российских ПИИ начиная с 2013 года, за исключением 2017 года, когда были предприняты масштабные правительственные инициативы по повышению привлекательности страны для иностранных граждан.

Что касается стран, не входящих в состав ЕАЭС, то после смены руководства в Узбекистане приток российских ПИИ в страну

резко увеличился, что произошло на фоне заключения узбекско-российских инвестиционных соглашений. Таким образом, начиная с 2019 года уровень российских инвестиций стал коренным образом отличаться от сравнительно невысокого показателя в период с 2012 по 2015 годы. В отличие от ситуации с Узбекистаном, поток российских ПИИ в Таджикистан более нестабилен: ПИИ достигли своего первого пикового значения в 2011 году, составив 47,64 млн долларов, затем стали снижаться, а в 2019 году произошел резкий рост до 52,34 млн долларов, который совпал по времени с общим увеличением притока иностранных инвестиций в страну после ряда инвестиционных сделок, подписанных в 2018 году. Ежегодный объем российских ПИИ в Туркменистан сравнительно нестабилен: инвестиции достигали своего максимального значения в 2009 и 2015 годах (55,08 и 130,34 млн долларов соответственно), после чего они резко снизились из-за решения «Газпрома» о полном прекращении импорта газа из страны.

Рисунок 2. ПИИ России в страны Центральной Азии (млрд долларов, 2009-2020 гг.)

Источник: ИТС

ВЫВОДЫ

Обобщая результаты анализа движения российских ПИИ в Центральную Азию, стоит отметить, что государственные инициативы и политические цели играют важную роль в формировании динамики торговой и инвестиционной политики России в регионе. При этом

нельзя отрицать, что анализ проектов региональной интеграции, таких как ЕАЭС, полноправными участниками которого являются Казахстан и Кыргызстан (Узбекистан имеет статус наблюдателя с 2020 года), демонстрирует разные результаты для трёх стран. В то время как вступление Кыргызстана в данную организацию привело к краткосрочному росту объёма российских ПИИ, в Казахстане и Кыргызстане подобный эффект был менее выраженным. Такая динамика подтверждает утверждения экспертов о том, что подобные проекты реализуются в первую очередь из внутривнутриполитических, а не экономических соображений. Выводы, обозначенные выше, подтверждают рассмотренную в данной статье гипотезу о том, что тенденции роста российских ПИИ и экспорта часто связаны с заявлениями о крупных государственных торговых и инвестиционных соглашениях, преимущественно в энергетическом секторе.

ПРИМЕР 2: КИТАЙ

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ КИТАЙСКИХ ПИИ

ОСНОВНЫЕ ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПИИ

Что касается конъюнктуры внутреннего рынка, то избыток мощностей, с которым сталкиваются производственный и строительный секторы, а также развивающиеся отрасли экономики Китая, стали важным «выталкивающим» фактором для осуществления китайских ПИИ. Учитывая, что Центральная Азия переживает период «великой трансформации», развивающийся характер экономики стран региона может позволить им поглотить избыточные производственные мощности Китая, что сделает их привлекательными для китайских ПИИ. Рост ВВП можно рассматривать, как косвенный показатель перспективности ПИИ и устойчивой динамики экономических показателей. Таким образом, данный показатель может быть весьма полезным при анализе способности стран поглощать избыточные производственные мощности. Средний темп роста ВВП государств Центральной Азии с момента обретения ими независимости (3,07%) намного выше, чем в Японии (0,75%), США (2,30%) и ЕС (1,46%). Кроме того, важная роль транспортной инфраструктуры для китайской инициативы «Один пояс, один путь» может представлять собой стремление страны расширить свой доступ на мировые рынки. Центральная Азия географически соединяет Западную Азию с Европой, привлекая китайские ПИИ, связанные с транспортом и логистикой. При этом относительно небольшой размер некоторых рынков Центральной

Азии ограничивает количество китайских фирм, желающих в них инвестировать. Пять центральноазиатских стран обладают крайне разными объемами ВВП. Например, в 2020 году ВВП Казахстана более чем в 20 раз превышал ВВП Кыргызстана. Корреляция между объемом китайских ПИИ и ростом ВВП либо слабо положительная (Таджикистан и Туркменистан), либо отрицательная (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), что свидетельствует о том, что помимо размера рынка и возможностей выхода на рынок существуют иные факторы, которые имеют значение для китайских ПИИ в регионе (см. Таблицу 2). Кроме того, Китаю не хватает лингвистического преимущества и общего советского наследия, которые имеются у стран Центральной Азии с Россией. Напротив, китайско-советские пограничные конфликты 1960-х и 1970-х годов, среди прочего, способствовали возникновению антикитайских настроений в регионе. Граждане Китая и Центральной Азии мало осведомлены друг о друге с точки зрения профессиональных связей и отношений между людьми. Таким образом, стоит рассмотреть и другие факторы, стимулирующие приток китайских ПИИ в регион.

Таблица 2

Китайские ПИИ: корреляционный анализ

Уровень корреляции (2009-2020)	ВВП (долл.США) и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)	ВВП и объем российских ПИИ (ежегодный прирост)	ВВП и объем российских ПИИ (ежегодный прирост)	Производительность труда и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)	Открытость торговли и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)	Открытость и объем российских ПИИ (в абсолютном выражении)
Казахстан	0.4202	0.593	-0.096	0.4949	0.8464	-0.5797
Таджикистан	0.0663	0.5195	0.1957	0.4778	0.9699	-
Кыргызстан	0.7057	0.8759	-0.242	0.0976	0.9801	0.8198
Узбекистан	-0.3171	-0.116	-0.729	0.1178	0.7552	-
Туркменистан	-0.2069	-0.234	0.2448	-0.085	-0.2407	-

Источник: ИТС

Что касается производственных издержек, то если низкая стоимость рабочей силы в Китае раньше давала стране значительное конкурентное преимущество в привлечении ПИИ, в настоящее время она ищет производственные площадки с дешевой рабочей силой за границей. Центральная Азия может предоставить Китаю в

этом отношении некоторые преимущества, учитывая относительно низкую заработную плату. Существует сильная положительная корреляция (не менее 0,76) между объемом китайских ПИИ в страны Центральной Азии и производительностью труда для всех стран Центральной Азии, кроме Туркменистана. Однако китайские фирмы, осуществляющие ПИИ, в большинстве своем не нанимают работников из Центральной Азии, предпочитая давать кредиты на условиях использования китайских технологий и сотрудников. При этом капиталоемкие операции по добыче полезных ископаемых вовсе не требуют большого количества рабочей силы. Действительно, более 60% проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» распределяются между китайскими компаниями.

Руководство по ведению бизнеса в Казахстане, выпущенное Министерством торговли Китая, подчеркивает низкий уровень квалификации и производительности труда местных работников, тем самым демонстрируя нежелание китайских фирм использовать рабочую силу из стран Центральной Азии. Вместе с тем китайская страховая компания Sinosure дала аналогичный комментарий в отношении рабочей силы в Таджикистане. Таким образом, дешевая рабочая сила в странах Центральной Азии не всегда является «привлекательным» фактором для осуществления китайских ПИИ, поэтому его использование для обоснования ПИИ Китая в страны региона является ограниченным. Благоприятная ситуация в сфере налогообложения и открытость экономик стран Центральной Азии действует как фактор, «притягивающий» ПИИ в регион. Китай подписал соглашения о предотвращении двойного налогообложения и уклонения от уплаты налогов с пятью странами данного региона.

Правительство Таджикистана часто предоставляет налоговые льготы или бесплатную землю для осуществления китайских инвестиций. Например, в 2019 году китайская компания Kashgar Xinyu Dadi Mining Investment подписала контракт с Комитетом по инвестициям и государственному имуществу Таджикистана на разработку серебряного месторождения «Якджилва» и получила освобождение от налогов на любые доходы и оборудование, ввезенное в страну для обслуживания шахт сроком на семь лет. Две китайские компании, инвестирующие в нефтеперерабатывающие заводы Кыргызстана, отметили, что поддержка со стороны правительства принимающей страны (посредством предоставления субсидий) была решающим фактором при принятии решения об осуществлении инвестиций. В то же время, непростая деловая среда и повсеместная коррупция в Центральной Азии снижают эффективность условий ведения бизнеса в регионе как «привлекательных» факторов для направления ПИИ.

ОСНОВНЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПИИ

Существует предположение о том, что китайские фирмы (так же, как и сменявшие друг друга правительства страны) использовали стратегию поиска новых рынков для осуществления ПИИ в страны Центральной Азии. Например, ряд ученых говорит о существовании статистически значимой корреляции (на уровне 1%) между размером экономики принимающей страны и китайскими ПИИ. Между объемом ПИИ и ВВП для Казахстана (0,59), Кыргызстана (0,88), Таджикистана (0,52) и региона в целом (0,82) имеется значительная положительная корреляция, хотя Туркменистан и Узбекистан демонстрируют слабую отрицательную корреляцию, что возможно, свидетельствует о неоднородности экономической ситуации в пяти странах региона.

Для того, чтобы решить проблему избыточных производственных мощностей, в 1999 году правительство Китая начало реализовывать политику «Выхода», а в 2013 году - инициативу «Один пояс, один путь». Данные программы направлены на стимулирование внутреннего спроса за счет использования резервов капитала Китая с целью осуществления инвестиций за рубежом и увеличения иностранного спроса на китайские товары и услуги. Китайские компании обычно осуществляют инфраструктурные проекты под эгидой инициативы «Один пояс, один путь», что позволяет им получать внешние преимущества за счет инвестиций. Например, основным партнером при реализации проекта строительства альтернативной дороги с севера на юг в Кыргызстане (финансируемый за счет кредита в размере 850 млн долларов от Эксимбанка Китая) является Китайская корпорация дорог и мостов (CRBC). Государственный департамент США отмечает, что кредиты Эксимбанка Китая для инфраструктурных проектов в Кыргызстане упростили доступ китайских компаний на рынок. Данная тенденция демонстрирует успехи, достигнутые Китаем в достижении своей цели по выходу на новые рынки.

Учитывая ограниченный размер рынка многих стран Центральной Азии, правительственный характер мер, направленных на расширение рынка (в частности, в рамках политики выхода и инициативы «Один пояс, один путь»), важность государственных предприятий при осуществлении ПИИ Китая и реализацию китайской модели государственного капитализма следует рассматривать, как часть первоочередных задач правительства страны в данном регионе. Деятельность китайских компаний за рубежом, в первую очередь, направлена на получение прибыли, но вышеуказанные компании также должны соответствовать широким политическим целям китайского правительства и продвигать эти цели (или быть замеченными в их продвижении). По крайней мере, начиная с 2015 года сокращение избыточных производственных

мощностей было одной из пяти основных задач экономической реформы Китая. Таким образом, можно рассматривать политику правительства Китая в отношении ПИИ, как часть более широких государственных мер по сокращению избыточных производственных мощностей.

ПИИ, направленные на поиск и освоение ресурсов, таких как углеводороды, особенно важны для Китая, что связано с нехваткой природных ресурсов в регионе. Например, 72% нефти и 43% газа обеспечиваются за счёт импорта. Существует сильная положительная корреляция между китайскими ПИИ и природными ресурсами на уровне 1%, что демонстрирует преобладание фактора, связанного с поиском ресурсов для осуществления китайских ПИИ. Нахождение всей производственной цепочки (от добычи до переработки и поставки) под контролем Китая, демонстрирует, что интерес Китая к региону является одной из основных целей правительства страны по обеспечению энергетической безопасности.

Географическая близость Центральной Азии к Китаю, а также изобилие природных ресурсов и полезных ископаемых в регионе (особенно нефти в Казахстане и газа в Туркменистане) делают Центральную Азию привлекательным местом для китайских ПИИ, направленных на обеспечение ресурсной и энергетической безопасности страны. В 2017 году два крупнейших китайских инвестиционных проекта в энергетическом секторе находились в Центральной Азии: нефтепровод из Казахстана и газопровод Центральная Азия-Китай (в котором участвуют все пять стран Центральной Азии, при этом в настоящее время эксплуатируются три линии и планируется четвертая), что наглядно показывает инвестиционную привлекательность региона.

Если рассматривать страны данного региона по отдельности, то примерно половина из 55 проектов, связанных с осуществлением китайских ПИИ и заявленных в 2017 году в рамках инициативы казахстанско-китайского промышленного сотрудничества, приходится на нефтегазовую промышленность, а 22% — на горнодобывающую и металлургическую промышленности. Хотя данные по Туркменистану весьма ограничены, имеющиеся цифры свидетельствуют о том, что данная страна важна для достижения целей Китая по освоению ресурсов и обеспечению энергетической безопасности. Например, в 2002 году компания CNPC подписала контракт с государственным концерном «Туркменнефть» на разработку нефтяного месторождения Гумдак и получила 100-процентную долю в проекте сроком на пять лет. В 2021 году Туркменистан был вторым по величине экспортером природного газа в Китай (после Австралии) и крупнейшим экспортером трубопроводного газа в Китай. В том же году Китайская нефтегазовая инженерно-строительная корпорация (СРЕЕС) и дочерняя

компания CNPC подписали контракт на разработку прибрежных газовых объектов на территории поселка Багтыярлык, тем самым продемонстрировав продолжающееся партнерство Китая с Туркменистаном в сфере осуществления ПИИ. В 2014 году между Таджикистаном и китайской компанией Heli было заключено соглашение о строительстве нефтеперерабатывающего завода в особой экономической зоне «Дангара», завершившееся в 2020 году. Помимо нефтегазового сектора, значительный объем китайских ПИИ был также направлен на добычу металлических руд в Таджикистане. И хотя ряд экспертов утверждает, что Китай в настоящее время диверсифицирует свои модели ПИИ в Центральной Азии, инвестиции данной страны по-прежнему сосредоточены в сфере инфраструктуры, в частности, связанной с энергетикой. Например, во время визита в 2015 году премьер-министра Т.А.Сариева в Пекин, председатель Госсовета КНР Ли Кэцян подчеркнул готовность Китая к обсуждению вопросов производственных мощностей и инвестиционного сотрудничества с Кыргызстаном. При этом Т.А.Сариев заявил, что приветствует инвестиции Китая в энергетику, транспорт и социальную инфраструктуру.

Помимо обеспечения безопасности энергетических поставок, у правительства Китая есть и другие приоритетные политические интересы в вопросах осуществления инвестиций в Центральную Азию. Политики надеются, что «Один пояс, один путь» и другие инвестиционные проекты помогут создать новые рынки для стимулирования торговли, а также станут катализатором развития западных регионов страны, в частности, Синьцзян-Уйгурского автономного района, который граничит с тремя странами Центральной Азии и через который проходят нефте- и газопроводы из Средней Азии. В свою очередь, экономическое развитие рассматривается, как способ разрешения проблемы экономического развития и политического недовольства в Синьцзяне. Например, в 2010 году Китай ратифицировал документ о создании новой свободной экономической зоны (СЭЗ) в Синьцзяне с целью преобразования ближайшего пограничного порта Хоргос в центр торговых отношений с Казахстаном.

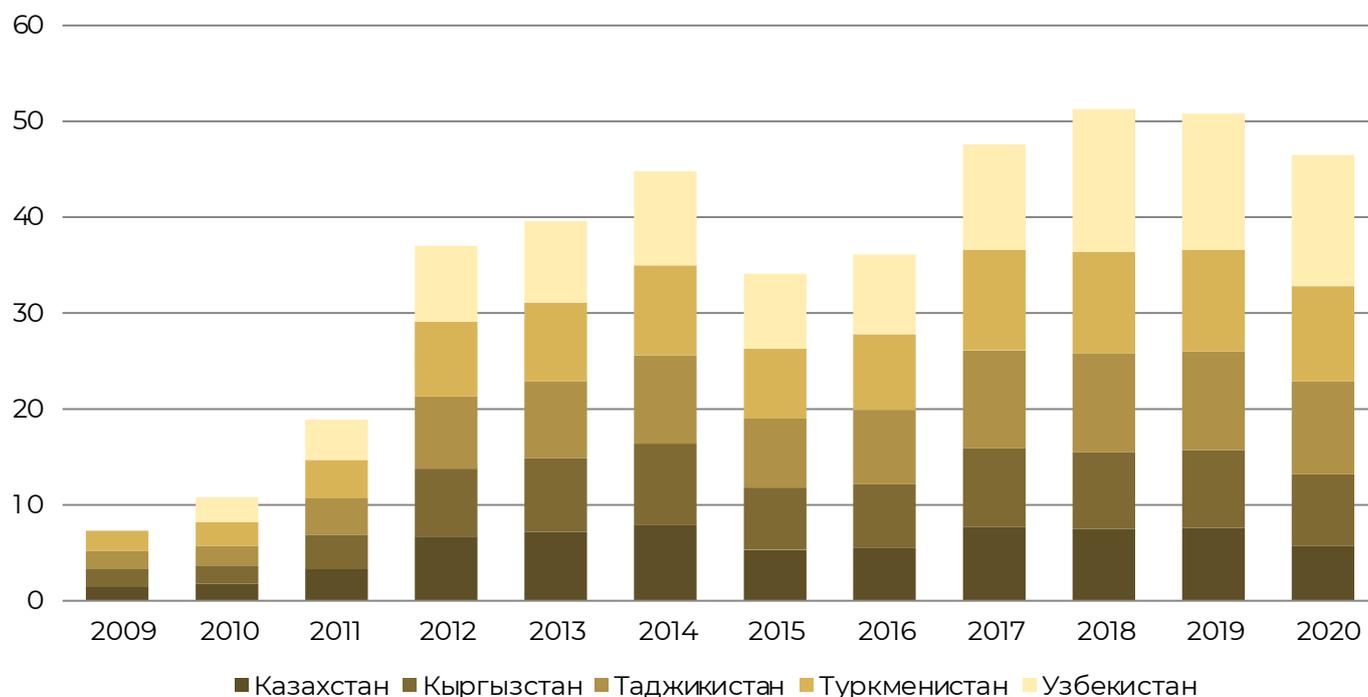
Вопрос престижа также может иметь важное значение для китайских ПИИ в регионе. Действительно, инициатива «Один пояс, один путь» во многом опирается на историческое наследие Великого шелкового пути, когда Китай выступал в качестве цивилизационного и экономического центра мира. В настоящее время Китай намеревается снова занять ведущее место в мировой политике и экономике. За счет снижения уровня бедности, а также поддержки образования и науки страна может «набрать дипломатические очки» и «увеличить свое политическое влияние». Роль Пекина как незаменимого игрока в регионе возрастают благодаря созданию

широкой сети торговых и транспортных связей, а также образованию многосторонних институтов сотрудничества с Китаем в центре данных инициатив. С другой стороны, учитывая, что положительная корреляция между объемом китайских ПИИ и открытостью торговли наблюдается только в Узбекистане и Туркменистане, можно сказать, что Китай не рассматривает степень открытости экономик стран Центральной Азии в качестве фактора, обуславливающего инвестиции в экономику данных стран. Такая тенденция служит подтверждением гипотезы о том, что китайские ПИИ являются скорее политически, а не экономически мотивированными.

АНАЛИЗ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В 2009-2020 ГГ.

В период с 2009 по 2020 годы наблюдалась значительная положительная тенденция, связанная с накоплением китайских ПИИ в Центральной Азии, при этом в 2020 году инвестиции увеличились более чем в пять раз с 2,26 млрд году до 12 млрд долларов. С момента реализации инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году объем китайских ПИИ в регион почти удвоился. Тем не менее, средний годовой прирост объема ПИИ был выше до начала ее реализации (43,8%), чем с момента ее запуска (10,11%). Вероятно, это связано с тем, что политические цели Китая и концепция «Один пояс, один путь» предшествуют реализации данной инициативы. Сравнивая объем китайских ПИИ в Центральной Азии с другими регионами мира, можно заметить, что Центральная Азия (79,4 млрд долларов) занимает место между Россией, являющейся соседней страной Китая (85 млрд долларов) и Канадой, обладающей высоким уровнем доходов (71,7 млрд долларов). Доля ПИИ Центральной Азии в инвестиционном портфеле Китая может показаться небольшой (в среднем 0,89%). Однако среди 146 стран-участниц инициативы «Один пояс, один путь» Центральная Азия занимает третье место (после Сингапура, налоговой гавани, Люксембурга, страны с высоким уровнем доходов и России, официальное участие которой в инициативе еще обсуждается). Данные цифры отражают важную роль Центральной Азии в инициативе «Один пояс, один путь», учитывая стратегическое положение региона и большое количество природных ресурсов.

Потоки китайских ПИИ в Центральную Азию гораздо более нестабильны, чем объем исходящих инвестиций. Хотя в годовом исчислении ПИИ в страны региона занимают аналогичную долю общего объема ПИИ Китая по сравнению с объемом вывозимых ПИИ, у них не наблюдается общей положительной динамики. Поток ПИИ в Центральную Азию достиг пика в 2012 году (за год до введения инициативы «Один пояс, один путь») и был самым низким в 2015 году (когда произошёл отток инвестиций, совпавший с падением

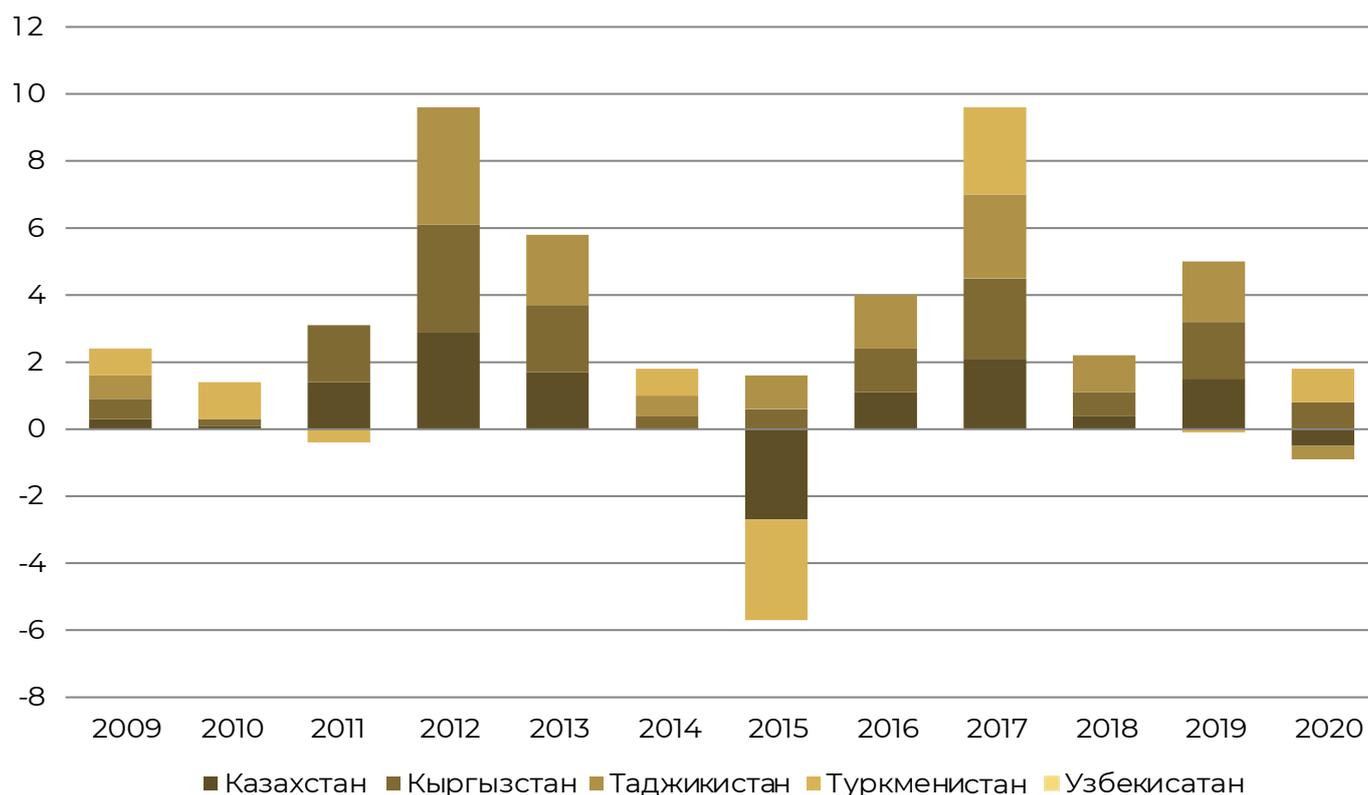
Рисунок 3. Объем китайских ПИИ в Центральную Азию (млрд долларов, 2009–2020 гг.)

Источник: ITC и China Statistical Yearbook

цен на нефть). Как и российские инвестиции в Центральную Азию, значительная часть накопленных китайских ПИИ (не менее 50%) и потока ПИИ за указанный период пришлась на Казахстан.

Действительно, в 2009–2018 годах Казахстан был пятым по величине реципиентом китайских ПИИ в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (уступая Индонезии, Сингапуру, Люксембургу и России). Данные цифры отражают цели Китая по поиску новых рынков и освоению ресурсов с учетом того, что Казахстан имеет самый большой ВВП в регионе, а также является наиболее развитой страной по индексу человеческого развития (ИЧР) и обладает значительными природными ресурсами. Однако сразу после финансового кризиса Туркменистан получил больше ПИИ из Китая, возможно, из-за его участия в разработке нефтяного месторождения Галкыныш. Более того, с 2012 года наблюдается заметное снижение объёма китайских инвестиций, направляемых в Казахстан, что, возможно, отражает диверсификацию рисков китайскими банками, желание выйти за рамки простого поиска и освоения ресурсов в регионе и влияние антикитайских протестов в стране, вызванных китайскими ПИИ и земельными реформами. Данное снижение произошло, несмотря на подписание совместной декларации Китая и Казахстана о новом этапе всестороннего стратегического партнерства в августе 2015 года, совместного плана по обеспечению синергии при реализации стратегий развития двух стран («Один пояс, один путь» и Нурлы жол) в сентябре 2016 года, и превращению Казахстана в «постоянного всеобъемлющего стратегического партнера» Китая в 2019 году.

За указанный период объем китайских ПИИ в Узбекистан резко увеличился по сравнению с общим объемом инвестиций Китая в регион, увеличившись с менее 4% в 2009 году (когда на данную страну пришёлся наименьший объем китайских ПИИ в регионе) до более 25% в 2020 году (данная страна оказалась на втором месте по ПИИ в регионе). Заметный рост произошел в 2018 году, что совпадает с началом президентского срока Ш.М.Мирзиёева (в 2016 году), что свидетельствует о важности политических факторов для осуществления ПИИ.

Рисунок 4. Поток российских ПИИ в страны Центральной Азии (млрд долларов, 2009-2020 гг.)

Источник: ИТС и China Statistical Yearbook

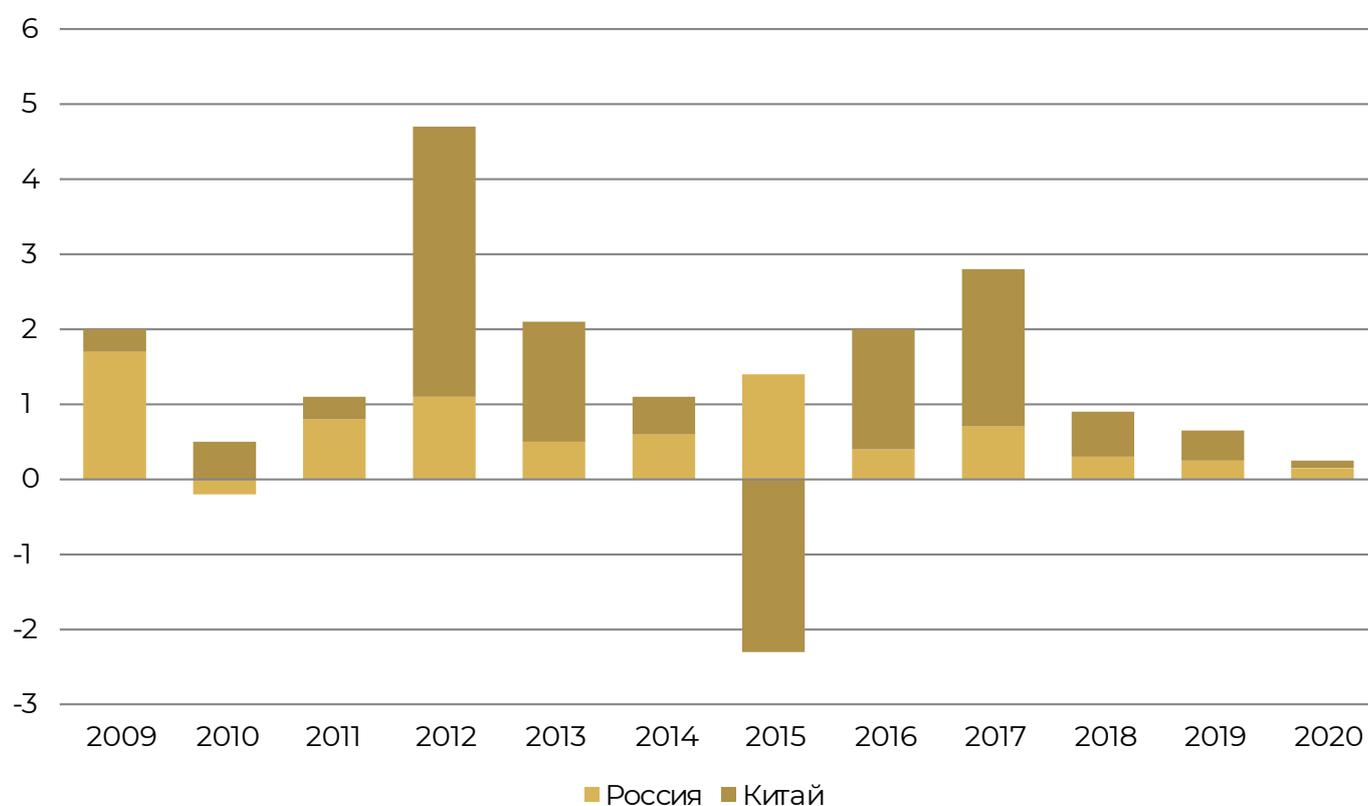
ВЫВОДЫ

Анализ движущих сил и определяющих факторов китайских ПИИ в Центральную Азию показывает важность поиска новых рынков и освоения ресурсов для ПИИ. Данные факторы в значительной степени относятся к общим геоэкономическим и политическим приоритетам. Хотя в накоплении китайских ПИИ в Центральной Азии наблюдается положительная тенденция, в данном регионе отмечаются значительные колебания и расхождения при разбивке данных по отдельным странам. Казахстан имеет важное значение для осуществления китайских ПИИ в регион, что соответствует гипотезе о влиянии таких факторов, как освоение новых рынков и ресурсов. Вместе с тем значение данной страны ослабевает, в то время как

другие страны Центральной Азии, особенно Узбекистан, становятся все более значимыми для ПИИ Китая.

СРАВНЕНИЕ ПОТОКОВ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПИИ И ЭКСПОРТА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В 2009-2020 ГГ.

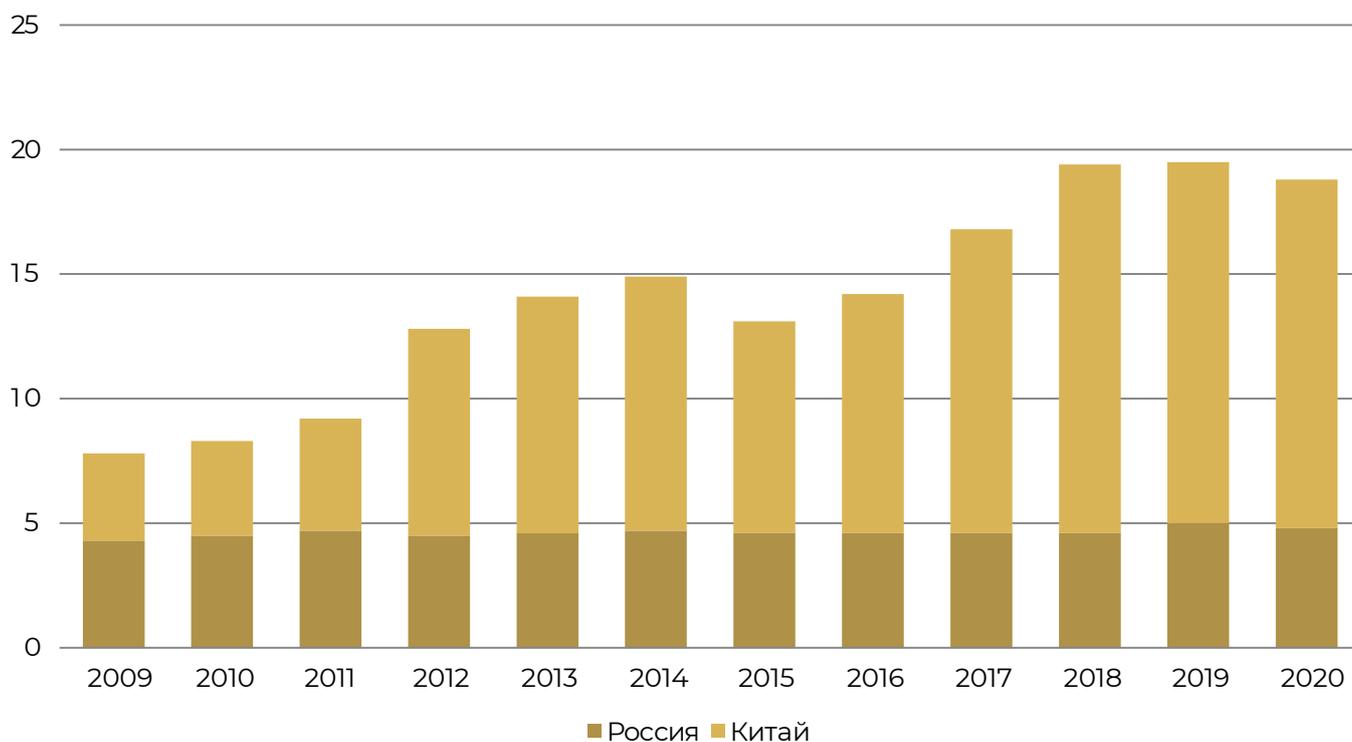
Рассматривая абсолютную величину потока ПИИ из России и Китая в Центральную Азию, не прослеживается четкой закономерности в отношении того, какая страна больше инвестирует в регион, поскольку две страны обеспечивают примерно одинаковый средний поток ПИИ в размере 623,6 млн долларов (Россия) и 721,8 млн долларов США (Китай) за указанный период.

Рисунок 5. Российские и китайские ПИИ в Центральную Азию (млрд долларов, 2009-2020 гг.)

Источник: ITC и China Statistical Yearbook

Можно получить более четкое представление о различиях между российскими и китайскими ПИИ, взглянув на менее волатильные статистические показатели в сфере ПИИ. Так, накопленный объем китайских ПИИ в регионе увеличился за данный период гораздо больше, чем объем российских инвестиций. Стоит отметить, что до 2011 года объем ПИИ России в регионе превышал объем ПИИ Китая. Переход от российских ПИИ к китайским наблюдается в газовой промышленности Туркменистана, где завершение строительства газопровода Китай-Центральная Азия в

Рисунок 6. Российские и китайские ПИИ в Центральную Азию (млрд долларов, 2009-2020 гг.)

Источник: ITC и China Statistical Yearbook

конец 2009 года привело к тому, что Китай увеличил закупки газа с 5 млрд куб. м в 2010 году до более чем 33 млрд куб. м, превзойдя Россию, которая до 2020 года была крупнейшим покупателем газа в Туркменистане.

Хотя в абсолютном выражении Китай инвестировал в Центральную Азию больше, чем Россия, для России по некоторым показателям данный регион имеет большее значение по сравнению с другими странами мира, возможно, благодаря взаимным историческим и культурным связям. В частности, за данный период Центральная Азия получила 0,89% от общего объёма ПИИ Китая в сравнении с 0,94% от общего объёма ПИИ России, в то время как 1,84% российских ПИИ были направлены в Центральную Азию по сравнению с 0,72% ПИИ Китая. Более высокие темпы экономического роста Китая и большой объём экономики являются причиной того, почему Китай проводит активную экономическую деятельность в Центральной Азии, несмотря на то, что на данный регион приходится небольшой процент от общего объёма ПИИ страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показывает, что Центральная Азия как направление для осуществления ПИИ имеет немного большее значение для России, чем для Китая, в то время как региональные проекты двух стран-участниц БРИКС, ЕАЭС и «Один пояс, один путь», по-видимому, оказали неоднозначное

влияние на ПИИ и экспорт в регионе. Определяющим фактором для российских и китайских ПИИ в Центральной Азии, является доступ к природным ресурсам и их транспортировка. Крупные нефтяные ресурсы Казахстана являются фактором «притяжения» ПИИ как для России, так и для Китая, в результате чего данная страна получает наибольшее количество ПИИ (и наибольший объём экспорта) от двух стран-участниц БРИКС из всех стран Центральной Азии. Страны Центральной Азии, не богатые запасами углеводородного сырья, получают значительный объём инвестиций на развитие маршрутов транспортировки энергоресурсов.

При рассмотрении соответствующих моделей ПИИ двух стран можно заметить, что политические соображения и вопросы безопасности зачастую перевешивают экономические риски. Россия не желает отказываться от контроля над своей бывшей «сферой влияния» с целью обеспечения стабильности в соседних странах. Что касается природных ресурсов, то страна стремится получить права на транзит и разведку месторождений углеводородов за пределами своей территории. Колоссальный размер экономики Китая требует значительных инвестиций в энергетику, в то время как осуществление ПИИ в регион рассматривается, как способ борьбы с проблемами в Синьцзяне и возрождения времен Великого шелкового пути. Более того, такие политические факторы, как вступление Ш.М. Мирзиёева в должность президента Узбекистана, повлияли на ПИИ и структуру экспорта в регионе.

Напротив, российские и китайские ПИИ не определяются такими факторами, как стремление к повышению эффективности и приобретение стратегических активов. Хотя некоторые китайские и российские ПИИ могут быть направлены на освоение рынков (Китай дополнительно использует данный регион для доступа к рынкам других западных стран), непростые условия ведения бизнеса, коррупция и ограниченный размер экономики некоторых стран ограничивают привлечение ПИИ в регион. При этом в Казахстане существует значительная положительная корреляция между инвестиционным климатом и объёмом китайских ПИИ за указанный период (0,82), для Кыргызстана эта зависимость является обратной (-0,57). Стоит также отметить, что более широкое макрорегиональное и многостороннее сотрудничество в Центральной Азии, например, через платформу БРИКС+, может стать значительным преимуществом для Китая и России. Оно может помочь Китаю в преодолении негативной реакции, с которой данная страна сталкивается в ответ на инвестиции в регион, а также решению проблемы энергетической безопасности, при этом способствуя сохранению влияния России в регионе, а также усилению институционализации соответствующих региональных проектов двух стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

1. Абрамов В.Л. и Алексеев П.В. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-членов ЕАЭС в инвестиционной сфере (Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств - членов ЕАЭС в инвестиционной сфере) // Финансы: Теория и практика. -2018. – Т. 21 - №4. - С. 116-125.

2. Айдар С. Путь Кыргызстана к коррупции с севера на юг. Открытая демократия. – 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/kyrgyzstan-sever-yug-pуть-k-korruptcii/> (дата обращения: 06.03.2022).

3. Азия-Плюс. Завершено строительство нефтеперерабатывающего завода в СЭЗ Дангара. – 2022. [Электронный ресурс]. - URL: <http://asiaplus.news/en> (дата обращения: 16.06.2022).

4. Блониген Б.А. Обзор эмпирической литературы по детерминантам ПИИ //Atlantic Economic Journal. – 2005. – Т. 33. - №4. – С. 383-403.

5. ВР. Статистический обзор мировой энергетики ВР. – 2022. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/энергетика-экономика/статистический-обзор/bp-статистика-обзор-2019-полный-отчет.pdf>.

6. Бакли П.Дж., Бенишке М. На пути к ренессансу в исследованиях международного бизнеса? Большие вопросы, грандиозные вызовы и будущее стипендии IB // Journal of International Business Studies. – 2018. – Т. 48ю - №9. С. 1045-1064.

6. Лукин А. Российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии и идея Большой Евразии //India Quarterly: Журнал международных отношений. – 2017. - Т. 75(1). – С. 1-14.

8. Каррил-Качча Ф., Павлова Е. Прямые иностранные инвестиции и их движущие силы: глобальная перспектива и перспектива ЕС // Статьи экономического бюллетеня. – 2018. - Т. 4. – С. 35.

7. Чакрабартти А. Детерминанты прямых иностранных инвестиций: анализ чувствительности межстрановых регрессий // Kyklos. - 2011. - Т. 54. - №1. -С. 89-114.

8. Чанг Л., Ли Дж., Чонг К. Могут ли существующие теории объяснить внешние прямые иностранные инвестиции Китая в страны "Пояса и пути" // Устойчивое развитие. – 2021. – Т. 13. -№3. - С. 1389.

9. Чаухан П. Энергетическое измерение инициативы "Пояс и путь": последствия для энергетической безопасности Индии // Индийский журнал по делам Азии. – 2021. – Т. 32. - № 1/2. – С. 119-152.

10. Брифинг по Китаю. Новая особая экономическая зона в Или, недалеко от границы с Казахстаном // China Briefing News. – 2010. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.china-briefing.com/news/new-special-economic-zone-in-йили-близ-казахстанской-границы/> (дата обращения: 09.04.2022).

11. Грубая подотчетность. Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) // Crude Accountability Экологическая справедливость. – 2022. [Электронный ресурс]. - URL: <https://crudeaccountability.org/turkmenistan/whos-who-in-turkmenistan-досье-нефтяной-компании/china-national-petroleum-corporation-cnpc/> (дата обращения: 03.05.2022).

12. Дадабаев Т. Китайский экономический поворот в Центральной Азии и его последствия для возрождения Узбекистана после Каримова // Обзор Азии. – 2018. – Т. 58. -№4. С. 747-769.

13. Дай К. Путь инвестиционного развития: применимость критериев измерения и дальнейшее развитие. Веб-конференция E3S [Электронный ресурс]. - URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127501023> (дата обращения: 07.05.2022).

14. Дубнов А. Размышления о четверти века отношений России с Центральной Азией //Фонд Карнеги за международный мир. – 2018. [Электронный ресурс]. - URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/19/reflecting-on-четверть-века-отношений-России-с-Центральной-Азией-pub-76117> (дата обращения: 13.05.2022).

15. Даннинг Дж. Х. Торговля, местоположение экономической активности и МНП: поиск эклектичного подхода. Международное распределение экономической активности // Palgrave Macmillan. – 1977. - №5. – С. 67.

16. Даннинг Дж. Х. Местоположение и многонациональное предприятие: пренебрегаемый фактор?" // Journal of International Business Studies. - 1998. - Т. 29. - № 1. С. 45-66.

17. Даннинг Дж. Х. Детерминанты прямых иностранных инвестиций: изменения, вызванные глобализацией, и роль политики, на Ежегодной конференции Всемирного банка по экономике развития // Европа 2003: к политике в интересах бедных - помощь, институты и глобализация. – 2003. – С. 279-290.

18. Даннинг Дж. Х., Нарула Р. Транстихоокеанские прямые иностранные инвестиции и путь инвестиционного развития: оценка рекордов, Центр международного бизнес-образования и исследований. Отдел исследований Колледжа делового администрирования Университета Южной Каролины. – 1993. – С. 297.

Об авторах:

Мальцева Олеся Альбертовна – к.экон.н., доцент кафедры индоиранских и африканских языков, МГИМО МИД России. 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

РИНЦ Author ID: 834301

spin-код: 1885-9744

Сенюк Нинель Юрьевна – к.экон.н., доцент кафедры международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17.

ORCID ID: 0000-0002-7425-9029

Scopus Author ID: 57192182420

Researcher ID (WoS): U-4560-2018

Шрайбер Нильс Хольгер – магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17.

Харт Элис Кэтрин – магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17.

Конфликт интересов: авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования: Сенюк Н.Ю., Мальцева О.А., Шрайбер Н.Х., Харт Э.К. (2022) Сравнительный анализ инвестиционной политики России и Китая в Центральной Азии (2009-2020). *Международный бизнес*, 2(2), стр. 36-63.

Поступила в редакцию: 12.12.2022

Принята к публикации: 20.12.2022